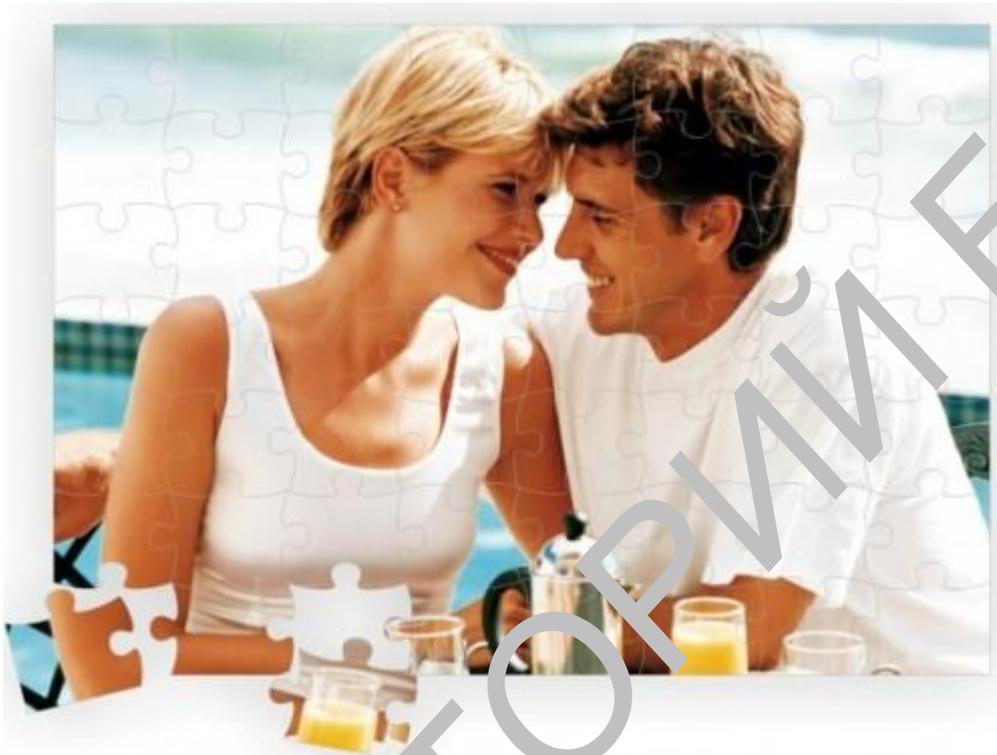

ГЕНДЕРНАЯ АССИМЕТРИЯ В СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Л.Г. Степанова (кафедра социальной и семейной психологии БГПУ)

От автора: *Семейная психология и семейная терапия.* - 2005.- № 4. — С. 5-23

Чтобы лучше понять феномен современного брака, необходимо принять во внимание несколько соображений, касающихся отношений между мужчиной и женщиной, разобраться в том, что, собственно, представляют из себя мужчина и женщина, и что определяет повседневное поведение индивида.

В истории развития нашего общества получили распространение три вида представлений в отношении женщин и мужчин:

- 1) психологическая и половая природа мужчин и женщин в корне различна;
- 2) мужчины по своей природе представляют господствующий, или лучший пол;
- 3) различия между мужчинами и женщинами, как и мужское превосходство, являются врожденными, а потому естественными.

До середины XIX века эта естественность, как правило, осмысливалась в религиозном плане. Начиная с середины XIX века различия между мужским и женским стали толковаться в научном плане — как часть биологического. Зародившаяся в 1960х годах вторая большая волна феминистского движения в защиту прав женщин продвинула общественное сознание еще дальше,

разоблачив явление, получившее название «сексизм» — неприкрытую дискриминацию по признаку пола во всех областях общественной деятельности.

Многообразие гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствует в пользу гипотезы о том, что наши гендерные роли формируются культурой. Согласно теории Хофстеда (Hofstede) различия в гендерных ролях зависят от степени гендерной дифференциации в культурах или степени маскулинности или фемининности той или иной культуры. Гендерные роли зависят не только от культуры, но и исторической эпохи [10]. И.С. Кон отметил, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов фемининности и маскулинности отличалась следующими характерными чертами: женские и мужские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; женские и мужские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими, женщине отводилась зависимая, подчиненная роль [6]. Сейчас практически во всех культурах в отношении гендерных ролей происходят радикальные изменения, в частности, и на постсоветском пространстве, однако не так быстро, как хотелось бы.

Идеалы маскулинности и фемининности сегодня, как никогда, противоречивы. Во-первых, традиционные черты в них переплетаются с современными. Во-вторых, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. В-третьих, они отражают не только мужскую, но и женскую точку зрения. Согласно идеалу «вечной женственности», женщина должна быть нежной, красивой, ласковой, зависимой и т.п. Однако в женском самосознании появились также новые черты: чтобы быть с мужчиной на равных, женщина должна быть умной, предприимчивой, энергичной, т.е. обладать некоторыми свойствами, «которые раньше составляли монополию мужчин (только в принципе)» (И.С. Кон).

Неоднозначен и образ мужчины. Раньше мужчине предписывалось быть сильным, смелым, агрессивным, выносливым, энергичным, но не особенно чувствительным. Сегодня же наряду с этими качествами мужчина начинает ценить в себе и другие: терпимость, способность понять другого, эмоциональную отзывчивость, то есть качества, которые раньше рассматривались как признаки слабости.

Таким образом, нормативные наборы социально-положительных черт мужчин и женщин перестают казаться полярными, взаимоисключающими, и открывается возможность самых разнообразных индивидуальных сочетаний.

Тем не менее, какие бы глубокие сдвиги ни происходили в общественном сознании на протяжении последних 150 лет, скрытые предписания в отношении пола (биологического) и гендера (социально-психологического пола) все же остаются внедренными в культурные дискурсы, общественные институты и души людей: эстафета мужской власти исподволь и систематически передается от поколения к поколению. С. Бем называет эти исходные положения линзами гендера [2]. Линзы не только задают ракурс восприятия, осмысления и рассмотрения общественной реальности, но и формируют саму социальную реальность. С. Бем называет три линзы гендера. Первая линза, внедренная в дискурс культуры, общественные институты и психику людей, — это линза андроцентризма, или центрированности на мужском (превосходстве мужского / мужчин). Так, мужчины и мужской опыт воспринимаются как нейтральный стандарт, или норма, а женщины и женский опыт воспринимаются как отклонение от этой нормы, обусловленное спецификой пола. Вторая линза — это линза гендерной поляризации. Это означает не просто то, что женщины и мужчины считаются разными, это значит, что различия между мужским и женским привносятся и общественную жизнь настолько экстенсивно, что тем самым осуществляется скрытая подмена: практически любой аспект культуры, любой аспект человеческого опыта предстают перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями — касается ли это стиля одежды, социальных ролей или даже способов выражения чувств. Третья линза — линза биологического эссенциализма, которая логически обосновывает и узаконивает остальные линзы, представляя их как естественные и неизбежные последствия наследственной биологической природы женщин и мужчин [2].

С. Бем подчеркивает, что линзы андроцентризма, гендерной поляризации и биологического эссенциализма методично воспроизводят власть мужчин двумя путями: во-первых, дискурсы культуры и общественные институты, в которые эти линзы встроены, автоматически помещают мужчин и женщин в различные и неравные жизненные ситуации; во-вторых, в процессе приобщения к культуре индивидуум постепенно внутренне усваивает линзы культуры и тем самым стремится формировать свою личность в соответствии с ними. Нас постоянно оценивают как «настоящего мужчину» / «настоящую женщину», желают, чтобы мы таковыми стали, были, оставались, мы сами делаем то же самое по отношению к другим. Степень «настоящести» субъекта «как мужчины» или «как женщины» до сих пор служит показателем его реализованности—успешности (или его ущербности) [2].

Таким образом, гендерная система, к которой приобщен каждый из нас и которая регулирует наше поведение как людей, относящих себя к тому или иному полу, настолько укоренена в нашем сознании, что даже те особые «носители» этой гендерной системы, которые владеют инструментами ее

критики, воспроизводят ее в своих аналитиках.

Иначе говоря, гендерное неравенство и гендерные асимметрии, которые служат объектами анализа и критики со стороны сообщества гендерных исследователей, воспроизводятся в разных аспектах гендерного анализа. Возникает эффект, который применительно к гендерной системе американский ученый Ричард Докинз называл эгоизмом.

Расшифровывая это определение, необходимо сказать следующее. Гендерные отношения — это не просто социальная условность, или, как принято говорить, социальная конструкция. Это социальная конструкция, построенная, а точнее говоря, «замешанная» на власти, то есть на *сегрегации* и *иерархии*. Первым важным аспектом этой конструкции является то, что социально сконструированной иерархии и сегрегации приписывается статус *естественных*, протест против иерархии и сегрегации воспринимается как агрессия и нарушение порядка вещей. В бинарных гендерных системах идеи доминирования одной гендерной группы (мужчинами) над другой гендерной группой (женщинами) и гендерной сегрегации так глубоко укоренены в сознании любого человека, что они воспринимаются как естественные не только мужчинами как субъектами власти и сегрегации, но и женщинами, которые являются их объектами.

Это особенно ярко проявляется в семейных отношениях. Для женщины традиционная гендерная роль включает в себя роль хранительницы очага, жены, матери, домохозяйки. Женщине предписывается нахождение в приватной сфере жизни — дом, рождение детей, на нее возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. Традиционная гендерная роль для мужчины включает в себя профессиональные роли — это роль участника общественной жизни, отличного специалиста своего дела, кормильца семьи. Бытует мнение, что сама природа позаботилась о том, чтобы половина населения — женщины — максимум своей энергии отдавали семье, чтобы вторая половина — мужчины — высвобождали время и энергию для общественной деятельности, требующей не «тела», а подлинно человеческих качеств, проявляющихся в политической, хозяйственной, военной, научной деятельности». Таким образом, женщина должна реализовываться в микросреде (семья, быт), а мужчина — в макросреде (работа, политика, наука).

В отечественных исследованиях было установлено, что наше общество ориентировано на традиционные гендерные роли. И для того чтобы соответствовать существующему в нашей культуре стереотипу маскулинности, мужчина должен быть сильным, независимым, возможно, даже грубым, сдержанным, волевым и т.д. Женщина, чтобы соответствовать стереотипу фемининности, — мягкой, зависимой, эмоциональной, ориентированной на других и т.д. (Ю.Е. Алешина, А.С. Волович, В.Е. Каган,

И.И. Лунин и др.).

Социальный прогресс с его демократизацией отношений полов, стиранием границ между «мужскими» и «женскими» профессиями, совместным обучением и работой изменяют нормативные представления о мужских и женских гендерных ролях, нивелируют многие, казавшиеся раньше «естественными», различия (И.С. Кон, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев и др.). Так, А.В. Мытиль в своем исследовании отмечает, что в настоящее время женщина видится более маскулинной (под маскулинностью автор понимает не половую принадлежность, а набор качеств, таких, как: умение переносить невзгоды, стойкость, деловитость и т.д.). Вместе с тем, женщины хотят видеть мужчин более эрудированными и нежными. Эти необратимые и в целом прогрессивные социальные сдвиги вызывают перемены в гендерных стереотипах. Происходит ломка традиционной системы гендерных ролей и соответствующих ей культурных стереотипов.

Традиционные гендерные роли сдерживают развитие личности и реализацию имеющегося потенциала, выступают барьером в развитии индивидуальности [3, 5]. Следование гендерным ролям часто связано с механизмами долженствования. По мнению К.А. Абулхан-Кой-Славской, самореализация и самовыражение невозможно, если деятельность выполняется на основании чувства долга. В подобной ситуации не учитываются личностные интересы, теряется чувство Я, формируется покорность и зависимость. Подобные самоощущение и самовосприятие не соответствуют идеям самореализации и свободного выбора [1].

Так, женщина, проявляющая свои способности, желающая реализовать свой потенциал, часто приходит к конфликту с традиционными взглядами окружающих на место женщины в обществе и, возможно, к конфликту с собственными представлениями о себе как о личности. Часто женщины сталкиваются с завышенными требованиями, дискриминацией при приеме на работу, при служебном продвижении — все это препятствует реализации женщиной себя как личности. Но и на мужчину следование традиционным гендерным ролям также оказывает негативное влияние. Компонентами традиционной мужской роли относят нормы успешности/статуса, умственной, физической и эмоциональной твердости, антиженственности. Для многих мужчин полное соответствие этим нормам не достижимо, что вызывает стресс и приводит к компенсаторным реакциям: ограничение эмоциональности, навязчивое стремление к соревнованию и успеху и т.п.

Вариации на тему «естественного» порядка властных отношений многообразны, но, как правило, сводятся к трем основным сюжетам:

а) утверждение доминирования мужчин над женщинами;

- б) манипулирование мужчинами, осуществляемое со стороны женщин;
- в) приравнивание женской эмансипации к сексуальной распущенности.

Можно привести в качестве примера, достаточно типичное высказывание из романа писателя Юрия Полякова «Небо павших» (М.: Олма-пресс, 1999. С. 62): «Женщина – это, в сущности, прирученная хищная птица. Сколько зайцев она закогтит, пока отпущена на волю, ее проблема, но по первому же хозяйскому свисту она должна усесться на господскую руку, на всякий случай, защищенную перчаткой из толстой кожи». Отдавая должное современному писателю, следует сказать, что он хорошо показывает, какой трагедией оборачиваются такие «традиционные» отношения между полами.

Однако к настоящему времени можно выделить определенные группы факторов, в силу которых сократилось традиционное неравенство мужчин и женщин, вследствие чего произошло относительно улучшение положения женщин. А. Бир и Р. Пфефферкорн считают, что в первую очередь к этому привело комплексное действие, главным образом, трех факторов [4]:

Факторы, сглаживающие неравенство мужчин и женщин:

- *Повышение уровня образования женщин*

В течение последних десятилетий девочки не только догнали, но даже перегнали мальчиков в плане образования: по средней продолжительности обучения, по среднему уровню диплома, по количеству остающихся на повторный год обучения или отстающих, по количеству успешно сдавших экзамены, по среднему уровню контрольных работ и т.д. Такие тенденции подтверждаются на уровне начального и среднего образования. Подобное наверстывание могло осуществиться только посредством кардинальных изменений в образовании самих девочек и их матерей.

- *Расширение сферы профессиональной деятельности женщин*

За последние десятилетия также заметно сократился разрыв между мужчинами и женщинами в профессиональной сфере: в частности, наблюдается резкое увеличение доли женщин в сфере наемного труда. Этой тенденции не помешал даже кризис на рынке труда, когда было достаточно сложно найти рабочее место. Среди молодого поколения работают более 90% женщин, не имеющих детей, и 75% женщин, имеющих двоих детей. Подавляющее большинство женщин отказались от роли домохозяйки.

Очевидна тесная взаимосвязь между первым и вторым факторами. Перспектива профессиональной деятельности, которая означает личную автономию, является мощным стимулом для получения образования. С другой стороны, наличие диплома позволило женщинам получить

квалифицированную, а значит, и высокооплачиваемую работу, включая управленческие должности.

- *Распространение контрацепции*

На сегодняшний день пользуются контрацепцией девять женщин из десяти. Остается лишь незначительное количество женщин (примерно 3%), подверженных риску нежелательной беременности.

Это позволило женщинам не только ограничить число детей (эта тенденция фактически началась еще два века тому назад), но и распределить рождение детей во времени. Таким образом, данный фактор является существенным условием вступления и закрепления женщин в сфере наемного труда.

- *Возрастание автономии женщин в супружеских отношениях*

Совокупность всех предыдущих тенденций (улучшение образовательного уровня, повышение занятости женщин, контроль рождаемости — все это позволило женщинам получить большую автономию в отношении супружеских связей, что связано прежде всего с созданием семьи и ее сохранением. Таким образом, изменение социальной роли женщины вызвало в последние 20 лет изменение брачных отношений: увеличение количества гражданских браков, количества разводов, количества женщин, сознательно придерживающихся безбрачия, особенно среди наиболее образованных и высококвалифицированных женщин.

Однако, с другой стороны, наблюдается сохранение некоторых сторон традиционного неравенства мужчин и женщин, которое приводит к застою в положении женщин. Можно выделить два основных очага доминирования мужчин, которые препятствуют вышеописанным изменениям.

1. В сфере частной жизни

Прежде всего это наблюдается и в сфере частной (домашней) жизни. В современном белорусском обществе, несмотря на отмеченные выше изменения, продолжает функционировать, чаще всего в скрытой форме, старая модель, согласно которой женщина и основном прикреплена к дому: обязанность, которая вменяется ей прежде всего и заключается в почти исключительно лежащем на ней управлении домашними делами. И сейчас, как и прежде, женщины продолжают выполнять все основные дела по дому, и плюс к этому на них ложатся заботы по воспитанию детей, включая контроль за их учебой.

Последствия этого достаточно тяжелы для женщин. Они ведут, в частности, к определенному недовложению сил в другие сферы их деятельности.

Например:

- В профессиональной сфере: помимо того, что это прикрепление ведет к пресловутому «двойному рабочему дню», оно препятствует вложению сил в эту сферу, а следовательно, их профессиональному росту, карьере (по меньшей мере для тех, кто может рассчитывать на такую карьеру) хотя зачастую оно является залогом профессионального роста супруга.
- В сфере образования: это прикрепление также приводит к самостратификации в данной сфере, наблюдаемому среди девушек и молодых женщин. Оно вызвано своего рода предвосхищением того, что в дальнейшем придется сочетать профессиональные обязанности и обязанности хозяйки и матери, а это заведомо исключает возможность самой престижной карьеры, которая открывается через успехи в образовании.

2. В сфере общественной жизни

Второй очаг, в котором мужчины не сдают свои позиции, находится в сфере общественной жизни. Монополия мужчин, существующая здесь с древнейших времен, в основном сохраняется.

- Это подтверждается, прежде всего, монополизацией политической власти (в широком смысле): все ответственные посты — руководство крупными предприятиями, профсоюзными и политическими организациями или правительственными учреждениями — в большинстве своем остаются за мужчинами.
- Однако сфера общественной жизни не сводится только к политической сцене. Она содержит также то, что можно было бы назвать сценой светской жизни: здесь мужчины и женщины демонстрируют себя друг другу. При этом анализ рекламы, моды, мужских и женских журналов, некоторых практик (например, практика обнажения груди на пляже) показывает, что в сфере светской жизни по-прежнему господствуют мужчины: женское тело там остается объектом как созерцания, так и желания со стороны мужчин [4].

Рассматривая отношения между мужчинами и женщинами в области семейных отношений, мы затрагиваем проблему индивидуальной гендерной идентичности. Здесь необходима настоящая культурная революция, изменение самой цивилизации, и в качестве условия для него в ближайшем будущем надлежит укреплять автономию женщин вне семейного круга: поддерживать их стремление к образованию, защищать их право на труд и устранять связанное с этим неравенство и, наконец, постоянно способствовать присутствию женщин в общественной сфере.

Сегодняшняя ситуация характеризуется усложнением системы человеческих отношений, системы деятельностей, включающих индивида, с ростом

возможностей отдельного человека. Появляется необходимость в такой регуляции, которая дает возможность осуществлять личности собственный выбор тех или иных идентичностей, обеспечивающий решение различных жизненных дилемм.

Система идентичностей (половая, возрастная, этническая, гражданская, ситуативно-ролевая) служит субъективным средством приобщения к другим людям. Невозможность просто усвоить готовую идентичность ставит человека перед выбором идентичностей. Самоидентичность в качестве новообразования личности в самом общем может быть определена как «устойчиво переживаемая тождественность Я во времени и пространстве; она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамичных и противоречивых образов Я в единую связную систему, благодаря чему оформляется и сохраняется устойчивое, обобщенное и целостное определение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других» [8, с. 4].

Совершая выборы самоидентичностей, человек самоопределяется. Отмеченные положения позволяют выбрать личностные конструкты индивидуального сознания в качестве объекта исследования индивидуальных характеристик, связанных с гендерной идентичностью. Внешним проявлением гендерной идентичности являются гендерные стереотипы.

Для полноценного развития и самореализации человеку необходимо избавиться от ограничений, накладываемых традиционным стереотипом мышления на поведение мужчин и женщин, и которые представляют собой лишь условность. Свобода от подобных стереотипов (а по сути — предрассудков) дает человеку возможность обрести душевное и физическое здоровье и способность жить полной жизнью.

Так, по данным А. Менбгун высокомаскулинные женщины характеризуются трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов, особенно в гетеросексуальных отношениях, агрессивностью; низкомаскулинные — беспомощностью, пассивностью, пугливостью, изолированностью, одиночеством, склонностью к депрессии, низкой самооценкой, нерешительностью в вопросах карьеры; высокофеминные — тревожностью и низкой самоуверенностью; низкофеминные — трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов, агрессивностью [11].

Высокомаскулинные мужчины испытывают меньшее количество проблем по сравнению с низкомаскулинными, но отличаются обедненной коммуникацией, у них наблюдается снижение эмоциональных проявлений; низкомаскулинные характеризуются зависимостью, беспомощностью, пассивностью, пугливостью, изолированностью, одиночеством, склонностью

к депрессии, низкой самооценкой, тревожностью, низким уровнем достижений, нерешительностью; высокофеминные — изолированностью, одиночеством, склонностью к депрессии, низкой самооценкой, тревожностью, низким уровнем достижений; низкофеминные мужчины испытывают трудности в установлении и поддержании межличностных контактов, нерешительностью в профессиональной деятельности.

Актуальность данной проблемы обусловила цель нашего эмпирического исследования: выявить влияние гендерных ролей на личность.

Методологической основой исследования стали: концепция психологической андрогинии С. Бем, базирующаяся на положении о том, что андрогиния обеспечивает большие возможности социальной адаптации, концептуальная схема половой идентичности В.Е. Кагана о том, что маскулинность и фемининность являются независимыми взаимодополнительными измерениями личности.

В ходе решения поставленных задач для сбора эмпирического материала были использованы следующие методики: половой дифференциал В.Е. Кагана и опросник «Реакции супругов на конфликт» (Л.С. Кочарян, Г.С. Кочарян, А.В. Киричук).

Методика полового дифференциала В.Е. Кагана может быть рассмотрена как вербальная модель поведенческого реагирования на стимул. Показатели факторов полового дифференциала для каждого из оцениваемых понятий представляют собой, соответственно, психологические портреты в восприятии испытуемого — свой портрет и портреты типичных представителей мужского и женского пола. Характеризуя реальные, установочные значения этих представлений, имеющих тесное отношение к мотивационной сфере, половой дифференциал отвечает задачам исследования. И, в конце, он дает одновременно два показателя половой идентичности — маскулинности (близость понятий «Я» и «большинство мужчин») и фемининности (близость понятий «Я» и «большинство женщин»), что отвечает принятой нами модели маскулинности и фемининности как независимых измерений [9].

Опросник «Реакции супругов на конфликт» позволяет диагностировать восприятие и понимание супругами друг друга и конфликтных ситуаций, а также индивидуально-специфические защитные паттерны супругов [7].

На основании полученных результатов можно сформулировать следующие выводы.

Мужчины, придерживающиеся традиционных гендерных ролей, менее подвержены депрессии, чем женщины, более склонны к вытеснению, регрессии и отрицанию затруднений, у них преобладает такой тип защиты,

как «реинтерпретативная активность» (прибегают к таким защитным механизмам, как рационализация, интеллектуализация), более выражена фиксация на психотравме, чем у женщин. Это говорит о «застревании» аффекта и интеллекта на психической травме.

Женщины, придерживающиеся традиционных гендерных ролей, более озабочены своим здоровьем, чем мужчины.

Женщины, придерживающиеся противоположных традиционных гендерных ролей (маскулинных), имеют более высокие показатели по всем шкалам, по сравнению с мужчинами. Они более депрессивны, чем мужчины, также более агрессивны, более склонны к вытеснению, регрессии и отрицанию, более чем у мужчин выражена «реинтерпретативная активность», также преобладает фиксация на психотравме, и, наконец, такие женщины более озабочены своим здоровьем, чем мужчины. Также было выявлено, что женщины и мужчины, придерживающиеся эгалитарных гендерных ролей (андрогинных), более адаптированы к жизни в социальной среде, в том числе в семейных отношениях. Они более гибкие в отношениях по сравнению с женщинами и мужчинами, придерживающимися традиционных гендерных ролей.

Позитивный потенциал данного феномена заключается в достижении психологической целостности индивида, влекущей за собой социальную устойчивость и успешность. Будучи андрогинным, человек осознает факт гендерной асимметрии, что включает в себя нивелирование дискриминации на разных уровнях. В конечном итоге трудно переоценить ценность андрогинии для здоровья и потенциала развития личности и общества.

В заключение следует сказать, что изучение влияния гендерных ролей на различные аспекты жизни человека нуждается в специальных исследованиях.

литература

1. *Абулханов-Славская К.А.* Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. *Берн Ш.* Лигзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. — М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб., 2001.
4. *Бир А., Пфедфвкорн Р.* Мужчины / женщины: динамика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1. — Вып. 1.
5. *Клецина И.С.* Самореализация и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. — СПб., 1998. — С. 188 – 202.

6. *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М.Семашко. — М.: РАН, 2001. — С. 9 – 38.
7. *Слепкова В.И., Заеко Т.А.* Практикум по психологической диагностике семейных отношений. — Минск: БГПУ, 2003.
8. *Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф.* К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. — 2001. — № 6. — С. 3 – 16.
9. *Степанова Л.Г.* Диагностика гендерной идентичности личности. Уч.-метод. пособие. — Минск: БГПУ, 2002.
10. *Best, Deborah L.* Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research Methodologies//Cross-Cultural Research. - Feb. 2001. - Vol. 35 (1). – P. 23 – 43.
11. *Hoffman R., Borders L., Hattie J.* Reconceptualizing Femininity and Masculinity: From Gender Roles to Gender Self-Confidence // J. of Social Behavior & Personality. - Dec. 2000. - Vol. 15 (4) - P. 475-503.